

— Нет, ничего... Просто увидел, что уже почти опаздываю, и решил взять такси, — Чи Янь выдал свою характерную добродушную улыбку. Обычно в такие моменты никто не сомневался в его словах. Ведь он был таким честным парнем, зачем ему врать? Не было в этом никакого смысла.

— А... — Хуан Мяо кивнула, подумав про себя: «Какой странный этот мир».

Уже ездит на Майбахе, а всё ещё подрабатывает таксистом.

*

Так Чи Янь и Ци Шоулинь поддерживали между собой странные отношения и баланс.

Чи Янь действительно был послушным и осторожно следовал за Ци Шоулинем. Когда его звали домой, он никогда не отказывался; в постели тоже был готов на всё, к счастью, Ци Шоулинь не применял никаких крайних мер, поэтому Чи Янь разве что просил пощады, когда уже не мог выдерживать большего, что в глазах Ци Шоулиня превращалось в некую забаву; если и было что-то, что можно назвать недостатком, так это его прямолинейные мысли и поступки, которые иногда доводили Ци Шоулиня до бешенства, и он сердился.

В общем, это было довольно гармоничное время.

Но человеческая жадность невозможно удовлетворить, всегда хочется большего.

Хоть он и заполучил этого человека, и тот был готов выполнять все его приказы, Ци Шоулинь всё равно чувствовал, что чего-то не хватает. Глядя на Чи Яня, который всегда относился к нему с уважением и страхом, хотя ещё в «Уцзинь» Чи Янь тоже относился к нему с уважением и страхом, но тогда в этом было что-то от желания угодить.

Это было «желание угодить», а не «подхалимство».

«Подхалимство» — это когда ищут выгоду, а «желание угодить»... В случае с Чи Янем это просто желание, чтобы другим было хорошо, чтобы они были счастливы.

Хотя сейчас Чи Янь всё ещё не «подхалимничал», Ци Шоулинь чувствовал, что тот больше не старался ему угодить.

Каждый раз, когда наступала зима, Ци Шоулинь терял всякий интерес. В отличие от Чи Яня, его температура тела была ниже, чем у других. Летом он сохранял прохладу, пока другие обливались потом, а зимой он был словно змея, балансирующая на грани спячки. В помещении с хорошим отоплением всё было нормально, но выйдя на улицу, он сразу же начинал «отключаться», словно каждое произнесённое слово отнимало у него последние капли тепла.

Чи Янь постучал в дверь кабинета Ци Шоулиня и вошёл, услышав разрешение. Везде, где находился Ци Шоулинь, отопление было сильнее, чем в других местах, это Чи Янь уже заметил.

— Президент Ци... — он поставил стеклянную вазу с фруктами на стол, — попробуйте апельсины.

Ци Шоулинь просматривал документы, перелистывая страницы, краем глаза замечая, как Чи Янь нервно потирает руки, стоя рядом.

Яркий свет лампы освещал лицо Ци Шоулиня, и Чи Янь смотрел на него, думая, что он действительно красив: тёмные брови, чёрные глаза, красные губы и ресницы. В эпоху, когда стандарты красоты всё больше склоняются к женственности под влиянием шоу-бизнеса, такая естественная, без макияжа, мужественная красота кажется редкой и ценной. Не женственной, но и не грубой. Находится в идеальном балансе между утончённостью и мужественностью.

Люди действительно не могут сравниваться друг с другом, подумал Чи Янь.

Ци Шоулинь не знал, что Чи Янь в этот момент оценивал его внешность, но он понимал, что тому явно есть что сказать. Однако он не торопился спрашивать, ожидая, пока Чи Янь сам заговорит.

— Эээ... Видите ли, скоро же Новый год. Я хотел спросить, могу ли я... взять отпуск и поехать домой.

Чи Янь действительно поставил себя в позицию сотрудника, хотя у сотрудников отпуск — это право, защищённое законом, а у него такого права не было.

— Ты поедешь домой? Куда именно? — медленно спросил Ци Шоулинь.

— На самом деле... в Город А. Просто я обычно не бываю дома, и раз уж есть такой длинный праздник, хотелось бы провести время с семьёй.

Чи Янь говорил логично и эмоционально.

— Понятно, — безразлично ответил Ци Шоулинь, но не сказал, даст ли отпуск.

— Президент Ци... вы не поедете домой? — осторожно спросил Чи Янь, ведь он не мог же появиться из ниоткуда, у него тоже должна быть семья.

— Здесь мой дом, — по-прежнему безразлично ответил Ци Шоулинь.

Чи Янь на мгновение задумался, не понимая, что это значит, и решил, что Ци Шоулинь всё ещё не соглашается. Он поспешно подвинул вазу с фруктами ближе к нему:

— Я слышал от тётушки Цю, что вам понравились апельсины, которые я приносил раньше... это они. На рынке их мало, это новый сорт, выведенный в нашем сельскохозяйственном институте.

Апельсины в вазе были очищены, дольки аккуратно разложены в форме цветка, а в центре выложена улыбающаяся рожица.

Ци Шоулинь вспомнил прошлогоднюю открытку с зачёркнутой улыбкой и тот мешок с сероватыми, но вкусными апельсинами.

— Если вам понравится, я привезу ещё, когда поеду домой... нет, сколько хотите, столько и привезу!

Оказывается, этот глупый парень не мог придумать, как ещё угодить ему, и решил повторить старый трюк.

В вазе была только одна вилка, явно предназначенная для Ци Шоулиня. Он взял её, но не стал накалывать дольки апельсина, а случайно выронил её на деревянный пол с лёгким звонком. Чи Янь быстро поднял её:

— Я сейчас принесу новую!

— Я хочу есть сейчас, — Ци Шоулинь вернул взгляд на документы, перелистнув страницу, явно не желая пачкать руки соком, — иначе не надо.

Чи Янь сжал вилку в руке, не зная, что делать. В кабинете Ци Шоулиня не было зубочисток.

Неужели... возможно...

Он поднёс дольку апельсина к губам Ци Шоулиня. Тот, хоть и неохотно, открыл рот и откусил, сок брызнул на большой и указательный пальцы Чи Яня. Закончив с этой долькой, Ци Шоулинь схватил палец Чи Яня, покрытый соком, и не отпускал, пока не слизал весь сок. Короткие, округлые ногти Чи Яня блестели от влаги, дрожь в его губах, и тот не решался убрать руку.

После двух долек Ци Шоулинь больше не открывал рот. Но он всё ещё не дал ответа на просьбу Чи Яня об отпуске.

Видя, что Ци Шоулинь, похоже, совершенно не обращает внимания на его просьбу и продолжает читать документы, Чи Янь решился на отчаянный шаг. В конце концов... они уже

спали вместе, что может быть более унижительным?

Ци Шоулинь почувствовал что-то тёплое на своей голени, отодвинул бумаги и увидел, что Чи Янь стоит на коленях у его ног, рука на его голени, привлекая внимание, тело выпрямлено, во рту долька апельсина, он смотрит вверх с невинным взглядом. Словно собака, принёсшая мяч хозяину.

Ци Шоулинь взял его за подбородок, поднял и усадил к себе на колени, с удовольствием приняв дольку апельсина. Сладкий сок брызнул и растёкся между их губами, Чи Янь не мог понять, ест ли он апельсин или его язык и губы, но эта долька оставила его язык опухшим и онемевшим.

Постепенно Чи Янь почувствовал что-то твёрдое у себя внизу живота.

— Нет... нет презерватива... — он не решался обнимать Ци Шоулиня, поэтому держал руки за спиной.

Ци Шоулинь, уже готовый к действию, не хотел тратить время на поход в спальню, нахмурился и раздражённо щёлкнул языком:

— Повернись ко мне спиной, сомкни ноги.

Чи Янь лёг на письменный стол Ци Шоулиня, на котором было много вещей, он боялся пошевелиться, чтобы что-нибудь не сломать или не помять. Ци Шоулинь быстро стянул с него штаны, его твёрдый член проник между бёдер Чи Яня. Тот, конечно, не знал, что это называется ножницами, но чувствовал, как член Ци Шоулиня плотно прижимается к его, от корня до головы, скользя вверх.

— М-м! — он прикрыл рот рукой.

Это ощущение было совсем не таким, как при мастурбации. От промежности до яичек и члена, всё было сильно растёрто членом другого мужчины; кожа на внутренней стороне бёдер, и без того нежная, теперь ещё больше зудела от того, как лобковые волосы Ци Шоулиня щекотали её при каждом движении, и он инстинктивно сжал бёдра ещё сильнее. Он занимался бегом, поэтому мышцы ног оставались крепкими, что заставляло Ци Шоулиня тяжело дышать.

Из-за разницы в росте Чи Янь мог только стоять на цыпочках, принимая этот унижительный акт, и вскоре его бёдра и голени начали болеть от напряжения, ноги дрожали.

<http://bllate.org/book/15527/1380431>